
И. А. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ

МЕКСИКАНЦЫ США

В США проживает от 4 до 5 миллионов мексиканцев. Среди них различают коренных жителей, населяющих главным образом юго-западные штаты страны и образующих национальное меньшинство, и эмигрантов из Мексики. Известно, что юго-западная часть Северной Америки, куда входят современные штаты США — Новая Мексика, Калифорния, Техас, Аризона, Колорадо, — до середины XIX в. принадлежала Мексике, а еще ранее была владением Испании.

В испанских колониях Северной Америки, как и Мексики, на основе индейского и пришлого испанского населения начала формироваться нация мексиканцев, свергнувших в 20-х годах XIX в. иго метрополии.

Первоначально население северных окраин североамериканских колоний Испании состояло из коренных жителей Америки — индейцев, а также из испанцев, переселившихся сюда из Испании и Мексики. Смешение, происходившее между испанцами и индейцами, привело к образованию местного населения. Кроме того, если в XVI—XVII вв. в Новую Мексику, Аризону, Калифорнию переселялись из Мексики еще не смешавшиеся с индейцами испанцы, то позднее им на смену приходят эмигранты из Мексики, многих из которых следует рассматривать как метисов-мексиканцев. В соответствии с этим в настоящей статье сначала речь будет идти о быте испанских колонистов, затем о быте мексиканцев юго-запада Северной Америки.

Напомним вкратце историю сложения населения этой территории. На юго-западе Северной Америки с XVI в. возникает несколько почти не связанных между собой испанских колоний — в Новой Мексике, Калифорнии, Аризоне, Техасе и Колорадо. Самой большой из них была колония в Новой Мексике. Здесь колонисты заняли земли индейцев пуэбло — народа с древней земледельческой культурой, который в условиях засушливого климата развил ирригационное земледелие, прекрасно использовал имевшиеся под руками материалы для строительства укрепленных селений (pueblo). Построенные колонистами города и деревни группировались около индейских селений, так как переселенцев в первую очередь привлекала освоенная индейцами земля. Испанские дворяне, получавшие от короны пожалования на фактически не принадлежащие Испании территории, насильственно сгоняли мирных индейцев с плодородных земель и обращали их в рабство. Индейский труд применялся на серебряных и свинцовых рудниках, в поместьях, на постройке фортов и церквей. Беспечная эксплуатация индейцев вызвала ряд восстаний, самым сильным из которых было восстание 1680 г. В результате этих восстаний колонизаторы должны были отказаться от широкого применения рабского труда индейцев и обратиться к другим источникам рабочей силы.

От земельной аристократии, владельцев серебряных и свинцовых рудников, богатых скотоводов зависели мелкие собственники-колонисты, сначала испанского происхождения, позже — мексиканцы. Это были солдаты, прибывшие из Мексики, переселенцы-ремесленники и крестьяне.

Они получили крошечные наделы, и очень скоро значительная часть мелких собственников попала в долговую зависимость от крупных землевладельцев.

Не имея возможности прокормиться на своих небольших участках, мелкие землевладельцы вынуждены были наниматься на работу в поместьях — асьендах (*haciendas*). Образовался новый слой эксплуатируемого населения — пеоны. Находясь в кабальной зависимости, пеоны получали ничтожную плату за труд, запутывались в долгах. Уйти же от помещика было трудно и из-за недостатка орошаемых земель, и из-за соседства кочевых индейских племен.

На основе труда пеонов в Новой Мексике составились крупные состояния. Так, на скотоводческом ранчо одного из испанских губернаторов Бартоломео Бака работали 2700 пеонов¹.

Классовый гнет в испанских колониях переплетался с расово-национальным. Мелкие собственники, пеоны, батраки были близки к индейцам, вступали в браки с индеанками. Именно за их счет создавался слой метисов. Кичившиеся своим дворянством и «чистотой крови» крупные землевладельцы-испанцы, владельцы поместий — асьенд презирали бедняков-метисов не меньше, чем индейцев.

Натуральное хозяйство преобладало как в среде мелких землевладельцев, так и в крупных поместьях. Земледелие давало незначительный прибавочный продукт. Рынок был очень узок, денежного обращения почти не было: в торговых отношениях с индейцами главную роль играл натуральный обмен. На ярмарку в Таосе индейцы привозили олени и бизоньи шкуры, которые обменивали на лошадей, мулов, топоры, ножи, безделушки. По примеру индейцев колонисты отправляли экспедиции в прерии для сбора соли. Связь с рынками Мексики была слабой. Завязавшиеся торговые отношения с Французской Луизианой были запрещены в 1723 г. испанскими колониальными властями.

Мелкие землевладельцы жили патриархальными общинами в деревнях, разбросанных на больших пространствах, часто в малодоступных горных долинах, почти не сообщавшихся друг с другом. Для них занятие скотоводством и земледелием, а главное — орошение земли, было возможно лишь при условии общинной организации хозяйства. Поэтому община держалась вплоть до конца XIX в.

Для испанских колоний того времени была характерна примитивность техники земледелия. Применялись самодельные плуги, мотыги, косы, зернотерки. Имелись водяные мельницы. Земледелие, однако, не было главным занятием колонистов Новой Мексики. Здесь вскоре развилось скотоводство, которое переняли и индейцы. Поселенцы занимались и охотой, а так как у подавляющего большинства общинников не было ружей, они пользовались индейскими луками и стрелами, ставили также ловушки и силки.

Пища бедняков-колонистов мало отличалась от индейской: кукуруза, бобы, перец, дичь составляли основу их питания. Из кукурузной муки делали лепешки (*tortillas*), которые ели с вареными бобами. Непременной принадлежностью стола был и поныне остается красный перец. Гроздьями стручков перца, нанизанных на веревку, увешаны стены каждой хижины. Мясо нарезают тонкими полосками и сушили на солнце. Заготавливали впрок фрукты (сушили)².

Сравнительной простотой отличался на первых порах и быт зажиточных слоев населения колоний. Помещики в первые годы колонизации строили для защиты от индейцев дома-крепости — большие низкие строения, в которых обычно помещалась многочисленная семья. Убранство жилищ составляли преимущественно изделия домашнего производ-

¹ C. Mac Williams, *North from Mexico*, New-York, 1949, стр. 150.

² R. F. Dickey, *New Mexico village arts*, Albuquerque, 1949, стр. 6—7.

ства. Зачастую ели и спали «по индейски»: на коврах, постланных на глинобитный пол. Дом обносили двумя рядами глинобитных стен. Внутренним двором пользовались хозяева. Необходимой его принадлежностью была большая глинобитная печь для приготовления пищи. Такие печи вскоре появились и в индейских деревнях. Во втором дворе помещались домашние слуги и пеоны, здесь же укрывали лошадей, ставили телеги и сельскохозяйственный инвентарь.

Испаноязычное население, закрепившись в Новой Мексике, создало своеобразную культуру, сочетавшую черты испанской и индейской культуры. В общинах мексиканцев расцвели разнообразные ремесла. Большого искусства достигли ремесленники в изготовлении серебряных украшений, посуды, подсвечников. Посуда бедняков была из простой жести, но по мастерству изготовления она иной раз не уступала серебряной. Мебель домашнего производства, сундуки, полки, притолки, балки украшали резьбой. Деревянные изображения святых работы местных мастеров, художественное ткачество, филигранные изделия прославили колонистов Новой Мексики далеко за пределами колонии. Во всех этих производствах сочетались испанские и индейские ремесленные навыки; в орнаментальных мотивах переплетались испанские и индейские художественные традиции. Индейские женщины (из группы индейцев пуэбло, навахов) стали искуснейшими ткачихами, работу которых высоко ценили колонисты. Гончарные изделия переселенцы приобретали у индейцев пуэбло, сами производством глиняной посуды почти не занимаясь. Именно в Новой Мексике, где колонисты жили бок о бок с индейцами, влияние индейской культуры было особенно велико. Оно сказалось в архитектуре, в строительной технике, земледелии, в материальной и духовной культуре (особенно в фольклоре).

Основным средством общения в Новой Мексике стал испанский язык, проникший и в индейскую среду.

Из Новой Мексики колонисты просачивались в южную часть Колорадо и в западный Техас. Их колорадские поселения должны были служить сторожевыми постами, выдвинутыми на территорию индейских племен. И здесь основным занятием колонистов было скотоводство. Одинокие поселения в первые годы колонизации имели вид укреплений. Это были глинобитные дома с плоской крышей, тесно поставленные друг к другу и образующие замкнутый прямоугольник. Внутренний двор ночью служил загоном для скота. Внешние стены домов были более толстыми и не имели ни окон, ни дверей; окна, затянутые козьей кожей, выходили только во двор.

Главными поселениями мексиканцев в Техасе были Сан-Антонио, где находилось «президио» (местопребывание колониальных властей), а также Олидад и Накогдочес. Техасских колонистов XVIII в. уже нельзя назвать испанцами, так как это были выходцы из Мексики, где шел процесс складывания мексиканской нации. В восточной части Техаса колонии были малочисленны, экономически слабы и почти лишены связи с другими колониями и с Мексикой. Мексиканские помещики не только не смогли заставить местных индейцев работать на себя, но сами находились в постоянном страхе перед команчами, овладевшими искусством верховой езды и совершавшими набеги на селения колоний, используя при этом даже пушки. «Животное, которое помогло Кортесу покорить ацтеков, — пишет историк Мексики Паркс, — стало теперь союзником индейцев. В XVII в., после колонизации французами Квебека, к индейцам, населявшим равнины, попали европейские пушки. Они передавались от одного племени к другому и некоторые дошли до мексиканской границы»³. Зато в южном Техасе, близ мексиканской границы, создалось совершенно иное положение. С 1748 г. вдоль Рио Гранде начинают посе-

³ Г. Паркс, История Мексики, М., 1949, стр. 90.

ляться мексиканские скотоводы (*ganaderos*). Появляются первые города — Рио Гранде (1757) и Долорес (1761). Здесь, как и в Новой Мексике, немногочисленные владельцы крупных поместий эксплуатировали труд пеонов, чаще всего индейцев.

Пеоны находились в крайне тяжелом положении: они не имели права заниматься даже огородничеством для своих нужд, не могли делать закупок в городе, так как землевладелец принуждал их брать товары из своей лавки по завышенным ценам. Они ютились в однокомнатных или в лучшем случае двухкомнатных глинобитных хижинах, крытых соломой. Крупные землевладельцы — плантаторы и скотоводы жили богато, они имели возможность приобретать мебель и предметы роскоши в магазинах мексиканских городов Матморос и Лоредо, довольно близко расположенных от границы. Крепко держась за мексиканские обычаи, они помещали обычно своих детей в католические школы в Мексике.

В Аризоне, начиная с 1687 г., по долинам рек Сан-Мигуель, Санта-Крус, Сан-Педро появилась цепь миссий, привлечших переселенцев после того, как в пределах колонии были открыты залежи серебра и миссии начали их разработку. Мексиканское население этой колонии, никогда не превышавшее двух тысяч человек, состояло главным образом из бедноты — мелких собственников, солдат, наделенных небольшими участками земли, рабочих немногих рудников. Местное индейское население (навахи, апачи, пима, папаго) было гораздо более многочисленным.

Самой богатой колонией Испании в Северной Америке была Калифорния, а самыми богатыми землевладельцами — католические церковные организации. В Калифорнии по побережью от Сан-Диего до Сан-Франциско была основана 21 миссия. Миссии были крупнейшими землевладельцами и владельцами больших скотоводческих ранчо. В 1834 г. собственность миссий оценивалась в 78 млн. долларов. Одна только миссия Сан-Габриель владела 17 ранчо, на которых работало 3 тысячи индейцев; ей принадлежало 105 тысяч голов скота, 20 тысяч лошадей и 40 тысяч коз⁴.

Наряду с земельными владениями миссий, эксплуатировавших даровой труд приписанных индейцев, здесь вскоре после основания колонии (1769) возникли крупные скотоводческие хозяйства, также использовавшие индейский труд. Секуляризация земель духовенства, проведенная мексиканским правительством в 1833 г., обогатила крупных скотоводов, предоставив в их распоряжение обширные пастбища. В Калифорнии, как ни в одной испанской колонии Северной Америки, малочисленная знать испанского происхождения отгораживалась от остального населения. В ее руках сосредоточивались все административные должности колониального аппарата и высшие военные должности. Однако испанская верхушка до войны 1846 г. охотно принимала в свою среду американцев, французов, англичан, немцев и других иностранцев, приезжавших в Калифорнию. Это были врачи, торговцы, моряки, иногда просто авантюристы. Они принимали католицизм, мексиканское гражданство и укрепляли свое положение, роднясь с богатыми испанскими семьями.

Особую группу населения калифорнийской колонии составляли мексиканцы. Как и в Новой Мексике, они жили здесь в небольших деревнях, но число мелких землевладельцев среди них было невелико. Большая часть мексиканцев работала по найму — пастухами, надсмотрщиками на крупных скотоводческих ранчо, мажордомами в богатых домах. Часть мексиканцев занималась различными ремеслами.

Основным источником рабочей силы были индейцы, оказавшиеся в положении рабов при миссиях и на крупных ранчо. Эксплуатация дарового труда индейцев позволила колонистам не заботиться о развитии

⁴ С. Mac Williams, Указ. раб., стр. 88.

производительных сил богатейшего края. Русский мореплаватель Головин, посетивший в 1818 г. Калифорнию, писал: «...Нельзя без крайнего удивления и некоторой досады смотреть на здешних испанцев: леность и нерадение их простираются до неизъяснимой степени. Здесь реки, быстрые ручьи и почти всегда дуют свежие ветры, но они не имеют ни водяных, ни ветряных мельниц»⁵. Он восхищался трудолюбием и ловкостью индейцев, чьими руками была создана калифорнийская колония, чьим трудом создавалось богатство испанского духовенства и светских феодалов.

Однако индейцы Калифорнии не примирились с господством испанских колонизаторов. Испанцы не смели выходить за пределы поселков безоружными, и даже с оружием они старались держаться большими группами из боязни быть убитыми. Эти отношения, вызванные жестокостью испанских колонизаторов, сильно отличались от дружественных отношений индейцев с русскими поселенцами колонии Росс. Капитан Головин сообщал, что русские промышленники без опаски ходили на охоту; индейцы совершенно доверяли русским, охотно выдавали за них своих дочерей и селились в колонии Росс, спасаясь от испанских миссионеров и помещиков.

Как ни слабо были развиты производительные силы бывших испанских колоний, поселенцы-испанцы внесли свой вклад в культурное развитие Калифорнии. С ними появились здесь рогатый скот, лошади, овцы, свиньи, домашняя птица. Они ввели в употребление плуги, пилы и другие орудия труда, посадили фруктовые деревья (к 1880 г. в садах Калифорнии было более 260 тысяч одних только апельсиновых деревьев), ввели культуру пшеницы, ввезенной в Калифорнию в 1770 г.; в 1806 г. был привезен из Мексики хлопок лучшего сорта. Трудящееся население колоний вложило много сил в освоение новых земель, с помощью индейцев создало прекрасные памятники церковной архитектуры, города.

Опыт мексиканцев в горнодобывающем деле используется по сей день. Не меньшее значение имели их навыки в земледелии. Испанские и мексиканские колонисты обогатили свой опыт ирригации методами орошения, выработанными индейцами пуэбло⁶. И сейчас в долине Рио Гранде так называемая «мексиканская» система орошения⁷ применяется американскими фермерами.

На юго-западе мексиканцы развили скотоводство. В Новой Мексике преобладало овцеводство, в Калифорнии — разведение крупного рогатого скота. Во всех испанских колониях разводили лошадей. Установился своеобразный быт пастухов и специалистов по стрижке овец (стригале́й), имевших свои неписаные законы и обычаи. Работа пастухов была сопряжена с многими опасностями и трудностями. Это были храбрые, всегда готовые постоять за себя люди. Верхом на лошадях переезжали стригали с одного ранчо на другое в сезон стрижки овец. Их кавалькады представляли живописное зрелище: при переездах стригали наряжались в черные широкие брюки, заправленные в высокие сапоги, в белые рубашки и широчайшие шляпы — сомбреро, украшенные серебряными бляхами, и шейный платок. Этот красочный наряд теперь считается «классическим» костюмом ковбоев. Новая Мексика поставляла стригалей вплоть до 1890-х—1900-х годов, когда на юго-западе появились специальные машины для стрижки овец.

Навыки и приемы выпаса скота, утварь, орудия труда и одежду, терминологию и фольклор,— все это потом переняли у мексиканских пасту-

⁵ В. А. Дивин, Василий Михайлович Головин. В кн.: «Русские мореплаватели», М., 1953, стр. 177.

⁶ Полагают, что ко времени колонизации индейцы пуэбло имели в долине Рио Гранде от 6 до 10 тыс. га искусственно орошаемой земли.

⁷ По этой системе земля разделяется на квадратные участки со слегка возвышающимися краями; участок за участком по очереди насыщается водой.

хов ковбой Дальнего Запада. Мексиканское скотоводство на юго-западе обогатило США улучшенными породами скота, дало шерсть для промышленности восточных штатов, снабдило мясом весь запад.

Крепли связи между трудовыми слоями мексиканцев и индейцев, одинаково страдавших от гнета испано-мексиканских феодалов и североамериканских капиталистов.

Захват Юго-Запада Соединенными Штатами был вызван требованием рабовладельцев Юга, игравших решающую роль в политической жизни и в правительстве. Так были подготовлены «Техасская революция» и захватническая война США против Мексики в 1846—1848 гг., спровоцированная техасскими рабовладельцами. Немногочисленные здесь мексиканцы выступали против рабства, помогали беглым рабам. В пограничных районах Мексики предоставлялось убежище беглым неграм, а мексиканское правительство и после поражения в войне 1846—1848 гг. пыталось включить в договор пункт о запрещении рабства на «проданной» Соединенным Штатам территории.

Мексиканцы отторгнутых у Мексики областей не могли примириться с несправедливыми договорами, предававшими их в руки американских рабовладельцев и капиталистов, тем более, что не было соблюдено ни одно из условий договора, заключенного в Гваделупе-Идальго, по которому США обязались уважать права мексиканского населения аннексированной территории, предоставить ему самоуправление, свободу вероисповедания, право пользоваться родным языком в официальных сношениях, обязались уважать права собственности мексиканцев.

Террор против мексиканцев, начавшийся в конце войны 1846—1848 гг., изгнание мексиканцев с земель, изъятие у них шахт и другой собственности не прекратились и после заключения мирного договора. В ответ вспыхнула партизанская война против США. Военные действия на мексикано-американской границе были прекращены только к концу XIX в.

Американская буржуазия стала вытеснять испано-мексиканскую имущую верхушку из всех сфер экономической и общественной жизни. В Техасе, Калифорнии и других областях собственность крупных скотоводов, землевладельцев, шахтовладельцев постепенно переходила в руки американских компаний и крупных собственников. Мак-Вильямс приводит в пример город Санта-Барбара в Калифорнии. Там еще в 1870 году уроженцы Калифорнии, численно превосходившие американцев, владели одной третью всей собственности и занимали все видные официальные посты в местном управлении, но уже к концу 1870-х годов они утратили и свои богатства, и командное положение в политической и общественной жизни⁸. Только в Новой Мексике, где испаноязычное население составляло 90%, долгое время сохранялись крупные состояния испано-американцев. Еще в 1880 г. три четверти всего количества овец в Новой Мексике находилось в руках 20 семей, 17 из которых были местными уроженцами⁹.

Одним из важнейших приобретений для США на юго-западе была большая дешевая рабочая сила, что являлось ключом к дальнейшему капиталистическому освоению области, обладавшей богатейшими естественными ресурсами. Экспроприация мелких собственников — мексиканцев и индейцев освобождала сотни тысяч рабочих рук. Для этой цели применялись любые средства: продажа земли с молотка в счет налогов, различные манипуляции с «претензиями» на землю (требование доказать право на землю¹⁰), контроль над правом на воду, а то и просто террор вооруженных банд. Постепенно место старых испанских

⁸ С. Mac Williams, Указ. раб., стр. 92—93.

⁹ Там же, стр. 150.

¹⁰ В одной только Калифорнии 40% земель мексиканцев было продано, чтобы покрыть издержки, связанные с юридическим утверждением прав на земельную собственность.

и мексиканских землевладельцев заняли американские крупные фермеры, промышленные монополии, железнодорожные компании. Менее чем за 100 лет мексиканцы лишились 800 тысяч га лучшей земли. Мелкие землевладельцы превратились в безземельных батраков-сезонников, а также в рабочих на шахтах, на строительстве железных дорог и т. д.

Война с Мексикой (1846—1848) принесла США несметные богатства: они получили половину территории Мексики с многочисленным населением, с богатейшими земледельческими и скотоводческими районами, большими запасами полезных ископаемых (нефти, меди, золота и др.). Здесь жили потомки испанских колонизаторов (в небольшом числе), мексиканцы, индейцы и негры. Всего в середине XIX в. на юго-западе области, отошедшей к США, проживало от 75 до 100 тысяч человек¹¹, говоривших на испанском языке. Испаноязычное население составляло здесь большинство. Исключением была Аризона, где в это время насчитывалось всего около двух тысяч испанцев и мексиканцев, и Техас (5 тысяч мексиканцев в 1836 г.).

В настоящее время мексиканцы являются самым крупным национальным меньшинством на юго-западе США. Они составляют солидную часть, а в некоторых областях и большинство рабочих горнодобывающей промышленности Юго-Запада и южной Калифорнии и большинство сельскохозяйственных рабочих этой части страны. Эти группы мексиканских рабочих сосредоточены в шахтерских и заводских поселках.

По конституции они ничем не отличаются от других американских граждан, пользуются теми же политическими правами. Однако на деле мексиканцы США подвергаются экономической и правовой дискриминации, как и другие национальные меньшинства страны.

Формы национальной дискриминации многообразны. На дверях учреждений, общественных мест вывешены оскорбительные надписи — «Здесь мексиканцев не обслуживают». Известны случаи линчевания мексиканцев. В годы безработицы мексиканцев — граждан США, как и мексиканских эмигрантов, насильно выселяли в Мексику. Нередко это делалось для того, чтобы исключить их из списков нуждающихся в пособиях. В 1930-х годах только через Лос-Анжелос было таким образом выслано 75 тысяч мексиканцев.

Являясь юридически гражданами США, трудящиеся мексиканского происхождения зачастую не могут осуществить свои гражданские права. Дорога к избирательным урнам для большинства мексиканцев закрыта многочисленными цензами: имущественным, оседлости, грамотности и др.

Мексиканцы США двуязычны, но в глухих районах Юго-Запада мексиканское население, особенно старшее поколение, говорит только по-испански. Между тем, только в одной Новой Мексике, и то лишь после долгой борьбы, мексиканцам удалось добиться введения в делопроизводство и судопроизводство испанского языка, наряду с английским. Однако, как правило, американские чиновники испанского языка не знают, а мексиканцев оттесняют от официальных должностей.

Как сообщают американские авторы, для мексиканской бедноты школьное обучение детей — сложная проблема. В сельских районах школ мало, да и дети обычно не могут их посещать, потому что не имеют необходимой одежды или вынуждены работать, чтобы помочь родителям. В сельских школах, как и вообще в деревнях, сильно влияние католической церкви. История Мексики исключена из школьных программ или же преподносится в искаженном виде. Некоторые шовинистически настроенные учителя-американцы оскорбляют мексиканских детей, дают им обидные клички, сажают отдельно от других школьников. Такая же атмо-

¹¹ С. Mac Williams, Указ. раб. стр. 52.

сфера нередко наблюдается и в городских школах. Мексиканцы, естественно, неохотно отдают детей в американские школы. В колледжах и университетах, куда удается попасть только избранным, мексиканцев не принимают в студенческие общественные организации, клубы и т. п. Многие профессии для мексиканского меньшинства в США закрыты.

Подсчитано, что по переписи 1930 г. из 3 миллионов мексиканцев США 5400 человек были священниками, 1092 — учителями, 93 человека имели высшее юридическое образование, 165 — медицинское. Иначе говоря, только 2% мексиканцев имели высшее образование, а из всех интеллектуальных профессий им наиболее доступна профессия служителя культа¹².

Тяжелое положение, в котором находится большинство мексиканцев США, особенно сказывается в области здравоохранения. Отсутствие сколько-нибудь квалифицированной медицинской помощи в глухих деревнях или в лагерях при плантациях, в городских трущобах и лагерях безработных приводит к высокой смертности мексиканского населения. По официальным данным, в 1944 г. смертность от туберкулеза в Техасе составляла: среди «белых» американцев — 31 случай на 100 тысяч человек, среди мексиканцев — 209 на 100 тысяч человек¹³.

Вскрывая социально-экономические корни шовинизма, Уильям Фостер пишет: «Реакционная политика искусственного разжигания шовинизма оказалась весьма выгодной для империалистов, так как она помогла им создать огромные современные колониальные империи, а также зверски эксплуатировать небелые народы, живущие в промышленных странах»¹⁴. Мексиканские рабочие получают пониженную заработную плату. В штате Колорадо средняя годовая заработная плата мексиканца равнялась в 1941 г. 690 долларам, а «белого» рабочего за тот же труд — 1420 долларам, что неизмеримо ниже прожиточного минимума, который в 1940-х годах, согласно правительственным данным, составлял примерно 4 тыс. долларов в год¹⁵.

Мексиканцев не принимали в профсоюзы, и они должны были довольствоваться самой тяжелой и плохо оплачиваемой работой. Это положение сохраняется и сейчас, в особенности для сезонных рабочих, составляющих наиболее бесправную часть трудящихся в Америке. Мак Вильямс рассказывает о кабальных условиях контрактации сезонников на сахарных плантациях Колорадо: «Мексиканца, закрепленного по контракту за определенным участком земли на период от 6 до 7 месяцев, обычно обязывают проживать на территории данной плантации. Общая фактическая продолжительность труда рабочего на свекловичных полях составляет за сезон не более 60—80 дней, в зависимости от размеров порученного ему участка. Однако в течение срока действия контракта он фактически лишен возможности воспользоваться какими-либо дополнительными заработками на стороне. В течение 6 месяцев в году он является фактически крепостным, прикрепленным к определенному участку земли, который под страхом расторжения контракта не смеет покидать даже на то время, когда работы нет»¹⁶. К этому необходимо добавить, что рабочие живут в специальных лагерях в антисанитарных условиях; продовольствие они обязаны покупать в лавке компании; дети их не посещают школ. Нищета, голод, болезни — постоянные спутники мексиканских батраков. Как ни тяжело и безвыходно их положение, армия сезонных рабочих все возрастает за счет жителей деревень, еще более нищих.

Около 80% испаноязычного населения Новой Мексики живет в де-

¹² С. Мас Уильямс, Указ. раб., стр. 220.

¹³ «The Mexican-Americans — their plight and struggles», «Political Affairs», т. XXVIII, 1949, № 5, май, стр. 77.

¹⁴ У. Фостер, Очерки политической истории Америки, М., 1953, стр. 791—792.

¹⁵ «Факты о положении трудящихся в США», М., 1949.

¹⁶ К. Мак-Вильямс, Бедствующая земля, М., 1949, стр. 156.

ревнях, население которых обычно не превышает тысячи человек. Эти мексиканские деревни почти совершенно оторваны от остального мира. «Жизнь в такой деревне,— пишет американский этнограф Эрнэ Фергюссон,— тяжела. В засушливый год жители могут совсем остаться без пищи. Каждое лето мужчины уходят работать на ранчо, свекловичные плантации Колорадо или на овечьи пастбища в Вайоминге, оставляя деревню вдов»¹⁷.

Вот одна из мексиканских деревень к югу от Лос Вегаса (Новая Мексика) — Эль-Черрито. Еще недавно основным источником существования ее жителей было скотоводство. Жили и прежде бедно. Семья среднего достатка имела одну-две лошади, корову, иногда и свинью. Деревню окружали общинные пастбища. Сейчас у жителей деревни остались только небольшие участки под огород, а пастбища отобраны по суду, которому они не смогли доказать свои права на землю, или в уплату за долги. Только две семьи владеют небольшими стадами овец, прокормить которых, при отсутствии пастбищ, очень трудно. На небольших участках возделывают кукурузу, бобы, сеют люцерну. Пашут на лошадях или мулах. Оросительную систему, без которой земледелие здесь даже в таких скудных размерах невозможно, необходимо постоянно подновлять. В соответствии со старыми обычаями община избирает управляющего (*major domo*), который организует общественные работы по орошению. Небольшие семьи разводят кур на продажу.

Невозможность прожить на средства, даваемые земледелием, гонит крестьян-мексиканцев на заработки — на сезонные работы, строительство железных дорог. Кое-кто промышляет продажей в городе дров или перевозкой бревен для соседних строек, но заработок этот скуден. Соответственно очень скуден и быт. Эль-Черрито, как и другие деревни мексиканцев юго-запада США, сохраняет планировку испанского селения с площадью в центре. В деревне всего 20 домов. Почти все они каменные или глинобитные с двускатными крышами из дранки или, реже, листового железа, с обязательными внутренними дворами — патио. Имеется несколько старых домов с плоской крышей и толстыми глинобитными стенами, как у индейцев пуэбло. При домах имеются сараи — грубые строения, сложенные из неровных камней; крышей служит настил из ветвей. Во дворах за глиняным или сложенным из камней забором растут фруктовые деревья. Обстановка в доме очень скромная. В центре комнаты расположена обычно чугунная печь с трубой. Над дверью прибит крест, по стенам — литографии религиозного содержания, семейные фотографии. Во многих домах нет внутренних дверей. Мебель — самодельная.

Одежда современных мексиканцев США совсем не походит на красочный, ставший образцом «ковбойского» костюма для американских фильмов о жизни Дальнего Запада, наряд мексиканцев-стригелей XIX в. Мужчины носят обычные для американских бедняков комбинезоны, кепки, дешевые фабричного изделия брюки и рубашки, шляпы. Пояса, правда, до сих пор украшаются бляхами, как у индейцев пуэбло и навахов¹⁸.

В городах мексиканская беднота ютится в особых кварталах на окраинах. В Сан-Антонио — самом «мексиканском» из всех юго-западных городов США — живет более 80 тысяч мексиканцев. Беднейшие мексиканские кварталы Сан-Антонио расположены в болотистой части города. В 1940—1944 гг. смертность в городе среди мексиканских детей в три раза превышала смертность среди детей «белых»¹⁹.

¹⁷ E. Fergusson. *New Mexico*, New York, 1955, стр. 200.

¹⁸ J. Rusinow. A camera report on El Cerrito, a typical spanish-american community in New-Mexico, U. S. Department of Agriculture, 1942.

¹⁹ Э. Шифрин, *Экспансия американского империализма в Мексике после второй мировой войны*, М., 1952, стр. 269.

Наряду с убогими современными кварталами в Сан-Антонио от колониального периода сохранились районы, застроенные домами испанского стиля. Здесь для привлечения туристов устраивается ежегодный праздник-карнавал (фiesta). Этим карнавалом отмечается «День независимости Техаса» (т. е. насильственное отторжение Техаса от Мексики). Празднество носит чисто коммерческий характер. Предприимчивые дельцы потчуют туристов, съехавшихся со всех концов страны, экзотикой в «испанском» стиле. Нанятые за гроши девушки из беднейших кварталов города в прабабушкиных ситцевых платьях с буфами и в капорах мило беседуют у ворот живописных зданий с не менее экзотического вида юношами в широчайших брюках, цветных рубашках и огромных сомбреро, так сказать, воспроизводя картину «доброе старое время». В темных лавчонках ведется бойкая торговля амулетами, приворотным зельем, украшениями. Гости катаются в гондолах по реке. Целую неделю, пока длится fiesta, идут бои быков, катанье в гондолах и т. д. Город живет необычной, маскарадной жизнью. Потом туристы разъезжаются, хозяева гостиниц, лавочек и «отцы города» подсчитывают выручку, а вчерашние «испанцы» и «испанки» прячут свои наряды, если они не взяты напрокат, в сундуки до следующей возможности подработать на fiesta.

По всей южной Калифорнии разбросаны «колонии» — поселки в 4—10 тысяч жителей-мексиканцев, большая часть которых лет 20—30 тому назад переселилась из Мексики. Эти поселки расположены на городских окраинах, на месте заброшенных селений, некоторые выросли из временных лагерей рабочих. Впервые они появились, когда страна переживала кризис 1929—1933 гг. в годы президентства Гувера (отсюда и закрепившееся за ними меткое название «гувервилли»). «Гувервилли» не входят в сферу деятельности муниципальных властей и совершенно не обслуживаются. Само существование таких поселков незаконно, и власти всегда могут избавиться от их жителей. Жилища мексиканцев в них не отличаются от обычных для «гувервиллей» домишек, сооружаемых из любого попавшегося под руку материала — досок, ящиков, консервных банок, кузовов старых автомобилей. Воду жители вынуждены брать за высокую плату из частных колодцев.

Мексиканцы калифорнийских «колоний» большей частью работают на плантациях фруктовых компаний, которые держат рабочих мексиканского происхождения в изоляции от остальных.

Для американского империализма характерна эксплуатация труда иностранных рабочих, причем эта эксплуатация принимает обычно форму кабального труда. Рабочие-иммигранты, попавшие по контракту в чужую страну, оказываются в бесправном положении. Особенно широкие формы приняла в США эксплуатация рабочих, ввозимых из Мексики. В то время как расхищение рабочей силы в Мексике тяжело отражается на экономике этой страны, США оно приносит огромные барыши.

Быстрое развитие капиталистического хозяйства Юго-Запада обеспечивалось постоянным притоком дешевой рабочей силы из Мексики. Ежегодно в США ввозят до 1 миллиона мексиканцев.

Соглашением 1943 г. между США и Мексикой предусматривался ввоз мексиканских рабочих на чрезвычайно выгодных для американских компаний условиях. И, как свидетельствует американская прогрессивная пресса, даже минимальные гарантии этого договора не соблюдаются.

Уже не говоря о том, что мексиканцы получают пониженную заработную плату, их ставят на самую тяжелую и опасную работу. Газета «Дейли Уоркер» сообщала в июле 1953 г., что ввезенные в США мексиканские рабочие размещаются в лачугах без окон, без водопровода и канализации, по восемь человек на площади 80 футов²⁰. Агент, привезший

²⁰ «Daily worker» от 20 августа 1953 г.

их из Мексики, берет себе 25% их заработка. Компании грабят рабочих самыми различными способами. Хозяева морковных плантаций в Калифорнии наживаются даже на проволоке для вязки пучков моркови, стоимость которой вычитается из заработка рабочего. Вычеты за проволоку дают компании ежегодно до 60 тыс. долларов прибыли²¹.

Вычеты за питание низкого качества, за одеяла, которые по условиям договора должны выдаваться бесплатно, неполный рабочий день — все это сводит к минимуму заработка мексиканских рабочих. Не удивительно, что среди мексиканцев очень высока смертность, особенно детская, часты заболевания, эпидемии. Свидетели, дававшие показания комиссии, которая в 1951 г. расследовала положение кочующих сельскохозяйственных рабочих США, заявили, что долина Рио-Гранде дель Норте — «зачумленное место», где туберкулез и дифтерит косят прибывших из Мексики рабочих и особенно их детей.

С большой выгодой эксплуатируют американские предприниматели труд мексиканцев, перешедших границу нелегально, по приглашению специальных вербовщиков. Рабочие, перешедшие границу нелегально, совершенно беззащитны, так как каждую минуту им грозит потеря работы, тюрьма, высылка по этапу. Положение вывезенных в США мексиканских рабочих настолько невыносимо, что под давлением общественного мнения правительству Мексики не раз приходилось оказывать им помощь, вывозить рабочих на родину за свой счет.

Заинтересованные круги раздувают национальную вражду против мексиканцев; провоцируются так называемые «расовые конфликты». В то же время подымается на щит все «испанское»: «благородное» испанское происхождение, «испанская» архитектура, псевдоиспанские празднества и прочее; особенно это проявляется в Калифорнии и Новой Мексике, где много вывезенных из Мексики сельскохозяйственных рабочих. Так называемых испанцев на юго-западе США не много. Это обломки бывшей феодальной знати колониального периода. Совсем недавно их извлекли на свет после долгих лет полного пренебрежения. Всюду появились испанские названия улиц, отелей, а также «испанские» клубы, испанские песни. «Во всех торжественных случаях «урожденные калифорнийцы» выдвигаются во всей своей увядшей роскоши на первое место и выставляются как самые лучшие представители всего прекрасного, что есть в нашем латиноамериканском наследии»²², — пишет Мак-Вильямс.

Цель этой политики — подменив мексиканскую культуру испанской, ослабить движение мексиканского национального меньшинства в США за национальное равенство, за демократические права. Но никакие меры не в состоянии удержать в покорности миллионы мексиканцев США и ввезенных туда мексиканцев, законтрактованных в Мексике. Именно мексиканцы, жившие в США, были застрельщиками профессионального движения на Юго-Западе и борьбы за отнятые у них земли. Первым руководителем первого профсоюза западных сельскохозяйственных рабочих был мексиканец Хуан Гомес. История рабочего движения в США знает десятки забастовок, поднятых по инициативе американско-мексиканских рабочих: забастовка мексиканских и японских рабочих свекловичных плантаций в Калифорнии в 1903 г., волна забастовок трамвайщиков в южной Калифорнии, забастовка рабочих «Мексикэн Эмпириэл Уэллей» в 1928 г., грандиозная забастовка в долине Сан Хоакин в 1933 г., забастовки 1936 г. в Калифорнии и в Техасе, хорошо организованная и охватывающая большое число рабочих забастовка мексиканцев США, работающих на цитрусовых плантациях, в 1941 г. и мн. др.

Коммунистическая партия США придает большое значение борьбе мексиканских трудящихся за свои политические и экономические права.

²¹ «New-York times» от 14 февраля 1953 г.

²² C. Mac Williams, Указ. раб., стр. 230.

«Вопрос о мексиканском национальном меньшинстве — 4 млн. населения Юго-Запада,— пишет в органе коммунистической партии Соединенных Штатов Дж. Барнхилл,— представляет большую важность для американского рабочего класса и всего народа. Это в особенности важно для создания антивоенной и антифашистской коалиции, возглавляемой рабочим классом, в борьбе против попыток американского империализма поработить страны Латинской Америки и для усиления единства профсоюзного движения американских рабочих, в особенности для распространения профсоюзного движения на многие миллионы сельскохозяйственных рабочих»²³.

²³ J. Burnhill, The Mexican people in the South-West, «Political Affairs», сентябрь 1953 г., стр. 43.